

В рукописной редакции Рылеев в ряде сильных строф набрасывает портрет поэта-гражданина в понимании декабристов:

О, так! Нет выше ничего
 Предназначения поэта:
 Святая правда — долг его;
 Предмет — полезным быть для света.
 Служитель избранный творца,
 Не должен быть ничем он связан;
 Святой, высокий сан певца
 Он делом оправдать обязан.
 К неправде он кипит враждой,
 Ярмо граждан его тревожит;
 Как вольный славянин душой,
 Он раболепствовать не может.
 Повсюду тверд, где б ни был он —
 Наперекор судьбе и року;
 Повсюду честь — ему закон,
 Везде он явный враг пороку.
 Греть грозой противу зла
 Он чтит святым себе законом,
 С спокойной важностью чела
 На эшафоте и пред троном
 Ему неведом низкий страх,
 На смерть с презрением взирает
 И доблесть в молодых сердцах
 Стихом свободным зажигает.

И, наконец, поэт-декабрист так завершает свой панегирик идеальному певцу:

Таков наш бард Державин был;
 Повсюду чести неизменный,
 Царям ли правду говорил,
 Иль поражал порок надменный!²

Конечно, «наш бард Державин» не был «таков», как его изобразил восторженный поэт-декабрист. Однако это — преувеличение, а не сплошная выдумка. Много лет спустя в журнале братьев М. и Ф. Достоевских «Время» (1861, № 10, стр. 101—146) была помещена статья некоего Дм. Маслова, озаглавленная «Державин-гражданин» и представлявшая, по словам С. А. Венгерова, «наиболее яркий образец тех разных нареканий, которым стал подвергаться певец Екатерины, начи-

² К. Ф. Рылеев, Полное собрание стихотворений. Изд. писателей в Ленинграде, 1934, стр. 170 и 435.